

ХРОНОГРАФ

Издательское дело в моей жизни *Профессия — издатель*

Б. А. Мясоедов*

Читатель, покупающий или раскрывающий книжку не всегда хорошо представляет, какова «кухня» приготовления взятого в руки фолианта. И здесь возникает тот, кто пестует книгу на всех этапах ее пути, от идеи темы, до читателя. Это издатель. Понятие «издатель» объединяет автора, рецензента, редактора, корректора и много занятий, которые то возникали, то исчезали по ходу прогресса полиграфии и книжной торговли. Издатель — это особая профессия. Надо иметь высокую культуру, широкий кругозор, чувствовать книгу, привлекать к проекту партнеров, подвижников.

Мое становление как издателя прошло несколько этапов. Это дипломная работа «Экономические воззрения А. И. Чупрова» у научного руководителя И. Д. Удальцова, старт в крепком партийном издательстве «Московский рабочий», где в коллективе опытных сотрудников я постигал азы редакторской практики. Затем — по году труда сначала в качестве младшего научного сотрудника кафедры политической экономии Экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова по «Курсу политической экономии» Н. А. Цаголова, а затем как консультанта отдела экономических проблем «Экономической газеты» ЦК КПСС. Более пяти лет я был старшим редактором редакции экономической и юридической литературы Главной редакции общественно-политической литературы Комитета по печати при Совете Министров СССР по координированию экономической литературы в СССР.

Работая в издательстве «Статистика», я начал собирать и издавать статистическое наследие. Как заместитель главного редактора три года курировал там выпуск переводной статистической литературы, а в 1969 г. организовал первую в стране редакцию демографической литературы. Когда А. Я. Боярский, директор НИИ ЦСУ, выделил комнату для нашей новой редакции, вот тогда-то я осознал подлинное значение издательской деятельности. С профессором МГУ Д. И. Валентеем мы учредили книжную серию «Народонаселение». В. П. Пискунов, В. С. Стещенко в Киеве стали опорой демографической науки на Украине. С ними мы выпустили избранные труды С. А. Томилина и Ю. А. Корчак-Чепурковского.

Затем были десять лет работы в издательстве «Мысль» и еще многие годы в издательстве «Экономика», куда перевели всю редакцию из «Мысли». Опыт, приобретенный на каждом из этих этапов, вносил свою лепту в формирование у меня вкуса к экономической литературе, творческому наследию экономистов давнего и недавнего прошлого.

К сегодняшнему дню пятьдесят лет посвятил я издательской деятельности в области экономики, из них более тридцати лет прошли в условиях политической цензуры. Книгоиздательская политика страны формировалась в рамках традиций государства. И все мы находились под определенным давлением системы и ее цензуры.

Институт цензуры и запрещенная литература существовали в России с давних

* **Мясоедов Борис Алексеевич** — в 1955 году окончил Экономический факультет МГУ, в 1975 году защитил кандидатскую диссертацию, с экономическими текстами начал работать в 1957 году. Работал в «Экономической газете», Комитете по печати СССР, в издательствах «Московский рабочий», «Финансы и статистика», «Мысль», «Экономика», издательстве Коммерческого института, в настоящее время директор издательства «Русская энциклопедия».

времен — были они и при царизме, и при советской власти. Россию всегда отличала интенсивность духовной жизни, но большевистское идеологическое удушение возникающие резервации русского духа старалось уничтожить в зародыше. Уже 24 марта 1918 г. был первый суд над словом. Судили по делу «Русских ведомостей» редактора П. В. Егорова, и за что? — *за попытку воздействия на умы!* На долгие годы была отключена или искажена историческая память народа. Как это происходило, весьма красноречиво показывает эволюция литературной критики. Если великий критик и публицист В. Г. Белинский давал ежегодные обзоры вышедших книг, то И. В. Сталин на горьковской поэме «Девушка и смерть» просто написал кратко: *«Эта штука сильнее «Фауста» Гёте»*. А вот его оценка поэта: *«Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи»*. Я помню распространенное суждение о книгах: *«Не впечатляет!»*. И такое суждение оказывалось решающим в эпоху цензуры. Автору говорили: *«Мы послали в инстанции, а там сказали: не впечатляет»*. Искать, кого и что не впечатляет, было бесполезно. Под влиянием идеологического воздействия общество, его люди теряли традиционные, веками складывавшиеся, привычные ценности, жизнь тупела.

В СССР право на издание своих трудов потеряли авторы, отверженные Октябрьской революцией (философ Н. Бердяев, экономист В. Леонтьев, социолог П. Сорокин), а затем и репрессированные. С конца 1920-х гг. в СССР усилилась изоляция от общественной деятельности ученых-экономистов. Массовые репрессии 1930-х гг. не благоприятствовали научным изысканиям и широким теоретическим обобщениям. Ученые подвергались гонениям, многим из них приходилось переключаться на практическую работу. Так завершилась творческая судьба известных в СССР экономистов и государственных деятелей — В. А. Базарова, Я. М. Букшпана, Н. И. Бухарина, В. Г. Громова, Н. Д. Кондратьева, Е. А. Преображенского, И. И. Рубина, А. В. Чаянова.

Я помню цензуру, помню, как беспощадно обходились с текстами, как безжалостно цветными карандашами расчеркивали. Чтобы

получить разрешение на публикацию у Главлита (органа, осуществлявшего цензуру всех изданий в стране и всей ввозимой литературы), издательства требовали от автора: *выделите красным мысли, взятые из произведений классиков марксизма-ленинизма; синим — взятое из «Большевика», «Правды» и других партийных изданий; зеленым — из прессы; особо отметьте авторские мысли; на полях текста проставьте источники*. Участь «раскрашенной» таким образом рукописи была печальна. Авторские мысли выбрасывались вовсе. Из подчеркнутого зеленым оставалось процентов двадцать. Из уцелевшего текста профессионал-редактор делал очередную жвачку, твердо зная, что за выброшенный текст и текст, взятый из большевистских изданий, он не несет ответственности. Двойное сито «редактор-цензор» сделало серым поток книг. Я помню слова директора издательства, когда в Ленинграде вышли три ярчайших романа Ремарка: *«А нам нужна хорошая серая книга»*.

В советское время в издательствах массовыми тиражами и по приемлемым ценам выходило довольно много книг, а на полках стояли произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, И. В. Сталина и комментарии к ним, затем добавились произведения Н. С. Хрущева, Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, К. У. Черненко, М. С. Горбачева. Антимарксистским, антиленинским взглядам редакторы издательств и цензоры Главлита ставили непреодолимые барьеры. По спискам цензуры из библиотек изымались книги. Наличие запрещенных книг в домашней библиотеке грозило солидным сроком. Мои сослуживцы по издательству «Мысль» в 1983 году получили тринадцать выговоров за то, что «осмелились» выпустить маленькую книжечку А. Ф. Лосева «Соловьев».

Объяснение, почему именно такими были книги, журналы, газеты ушедшего вместе с Советским Союзом времени, дают слова Н. Н. Миклухо-Маклая по поводу специфического толкования слов и понятий в России: *«Дикая татаро-монгольская орда с ее свирепой жестокостью, презрением к духовным ценностям и разделением общества на рабов и вождей принесла и укрепила на века в русском государстве положение, при котором право думать*

получили только те из нижестоящих, кто, думая, в мыслях своих угадывал желание вождя. А коль всякое слово толковать можно по-разному, и человек, намереваясь сказать одно, невольно может дать повод понимать его иначе, из страха не угодить вождю, родилась привычка говорить и писать пространно, все со всех сторон обсказывать, обтолковывать, дабы понятным быть в одной лишь позволительной плоскости. Все речи заведомо строились с расчетом на понимание примитивное, и потому развитию мышления у тех, кто читал их или слушал, они не способствовали».

Почему десятки лет издавалось одно и то же, а что не то же, то в духе одного? И этим занимался огромный идеологический аппарат, люди которого знали, что можно, а чего нельзя. Именно это и было их специальностью. В таких условиях исчезал автор как личность, ибо за него все вопросы решали редактор и цензор, уполномоченный Главлитом. На глазах поколения умирало само творчество. Об исчезновении подлинного автора рассказал мне С. З. Гуров, секретарь наркома А. В. Луначарского. Он работал в конце 1950-х гг. в издательстве «Московский рабочий», и именно от него я узнал, что в какой-то момент вместо *Автора* на авансцену вышел литературный негр, литературный обработчик — лицо, пишущее книги, статьи за другого, к примеру, за руководящего политического, государственного деятеля или за человека, имеющего известность и желающего либо защитить диссертацию, либо издать книгу. Иногда имя «негра» указывалось в выходных данных книги. (Сегодня мы то и дело сталкиваемся с этим явлением, засорившим научно-учебный процесс от курсовой работы до докторской диссертации.)

У науки и цензуры функции разные. Наука поставляла в издательство рукописи, цензоры противостояли им на выпуске (хотя, надо сказать, по жизни самых умных людей встречал я и в науке, и в цензуре). Но времена меняются, жизнь меняется, меняется общество, отношения к происходящему переоцениваются, отношение к изданному обретает новый смысл. Наличие цензуры — признак тоталитарного режима. Новые же реалии потребовали отмены цензуры. В условиях постепенной замены марксистско-ленинского единомыслия

идеологическим плюрализмом происходит ранжирование идей и знаний признанием обществом, нужностью государству. Идет совмещение потоков общественных наук России таким образом, что остается то ценное, что дала Страна Советов; вливается из дореволюционного то, что было до большевистского переворота; реабилитируется то, что было задушено большевиками; возвращается то, что эмигрировало; переводится то, в чем нуждается общество. И ныне на полках мы можем видеть книги всех, кто писал и издавался от И. В. Сталина до Л. Д. Троцкого, хотя и малыми тиражами и дороже.

Многие из тех, кого уже опубликовали, — это золотой фонд отечественной экономической науки 20-х гг. прошлого века. Только глядя на нескончаемый поток нового, что идет ныне из СМИ, Интернета и сравнивая с тем скудным пайком, которым нас обеспечивали в студенческие и последующие годы, приходишь к пониманию, что на протяжении нескольких десятилетий в нашей стране в области экономики подлинно научных трудов практически не создавалось. Это стало видно особенно наглядно, когда рядом с произведениями «классиков марксизма-ленинизма» встали работы Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова, П. А. Сорокина, Н. Д. Кондратьева, Л. Н. Юровского. Но нам еще предстоит вернуть и систематизировать весь огромный научный потенциал, который страна потеряла за три волны эмиграции и в застенках ГУЛАГа. Это тем более важно, что научные идеи не рождаются ежеминутно и не распространяются столь же быстро. Идет процесс накопления, обкатки идей. Идет их корректирование, уточнение. И часто многие идеи, которые были не востребованы в прошлом, приобретают актуальность в настоящем и еще могут понадобиться в будущем.

«Экономическое наследие»: история издательской серии

Как родилась идея. Судьба с детства вела меня к выпуску литературы по политической экономике и истории экономической мысли, по возвращению экономического наследия, важным эпизодам его создания и издания книг. К тем событиям, которые соединили разорванную нить

экономической мысли России, сделали всеобщим достоянием работы западных экономистов, долго остававшиеся за железным занавесом.

В свое время огромное впечатление произвел на меня рассказ Андрея Тимофеевича Тарарухина, заведующего редакцией, где я когда-то работал, о том, как перед Великой Отечественной войной, ему удалось в ведущих библиотеках страны, особенно Москвы, Ленинграда и Киева сохранить предназначенные к уничтожению книги: *«Был я до войны начальником Мособлгорлита и меня вызвали в Ленинку, где уже работали эмиссары из ведомства Л. З. Мехлиса, санкционировать отправку на бумажную фабрику в Ногинск произведения врагов народа. Со стеллажей хлопцы брали книги, вырывали предисловия или целиком скидывали в кучу книги, чтобы погрузить для уничтожения... Я остановил их работу... Заперся в своем кабинете и написал служебную записку на имя товарища Сталина и членов Политбюро... Отправил документ по адресам и стал ждать... Через несколько страшных для меня дней и ночей я был вызван на Политбюро. Сталин, который его вел, сказал: «Послушаем, что нам здесь Тарарухин предлагает». Суть моего выступления сводилась к сохранению книг и созданию для этих целей спецхрана. Я добавил, что при царизме листовки и революционные книги хранились особо... Наступила мучительная для меня пауза тягостного молчания. Ее без обсуждения нарушил Сталин: «А ведь дело предлагает Тарарухин...». Когда я уходил, наши взгляды с Л. З. Мехлисом встретились. Его взгляд не забуду всю жизнь. В ряде библиотек страны были созданы спецхраны, где эти книги сохранились до сих пор».* (К слову сказать, много лет спустя сохраненные А. Т. Тарарухиным книги Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова, Н. Д. Кондратьева, А. В. Чаянова мы брали в библиотеках для переиздания в серии «Экономическое наследие»).

Я четко осознавал, что анализ экономических реалий не станет полноценным, если исследователь не имеет возможности опереться на всемирное наследие ученых, на критически переосмысленные труды представителей разных научных направлений, в том числе виднейших буржуазных ученых. Нельзя глубоко понять современное состояние экономики без изучения

работ, отразивших многовековой опыт хозяйствования, интенсивные поиски механизма, обеспечивающего рост благосостояния стран и народов. Развитие исследований по истории экономической мысли и народного хозяйства тормозилось ограниченностью или даже отсутствием доступа к таким работам. Реабилитировать книги, вернуть их из спецхрана на полки библиотек (а надо иметь в виду, что некоторые книги тех времен сохранились в стране в одном-двух экземплярах), превратить их в тот родник, из которого студент, преподаватель и власть могли бы черпать знания, — это желание и породило идею создания в издательстве «Экономика» книжной серии «Экономическое наследие».

К работе по формированию концепции серии и составлению ее плана были привлечены специалисты ведущих научно-экономических центров страны (Москвы, Ленинграда, Урала, Сибири, Украины, Прибалтики, Средней Азии, Закавказья), представители как академической, так и вузовской науки. Издательство обратилось с просьбой к экономическим институтам, вузам, редакциям журналов дать предложения и замечания по проекту разосланного плана.

И вот летом 1987 г. Бюро Отделения экономики АН СССР приняло постановление «О развитии историко-экономических исследований». Было решено наладить систематическое переиздание трудов экономистов прошлого в рамках серии «Экономическое наследие». Эта работа была поручена издательству «Экономика» совместно с Отделением экономики АН СССР, Институтом экономики АН СССР. Параллельно предполагалось расширение выпускаемой издательством «Прогресс» серии «Экономическая мысль Запада». Намечалось также организовать выпуск книг историко-экономического характера в издательствах «Наука» и «Политиздат».

Научное руководство по изданию «Экономического наследия» возлагалось на редакционную коллегию, в состав которой вошли известные ученые-экономисты, историки, представители печати¹. Создание серии — дело сложное, требующее большой организационной работы. Советским читателям возвращалась и заново открывалась экономическая

литература огромного теоретического богатства — и отечественная, и зарубежная.

Как заведующий редакцией литературы по политической экономии социализма и коммунизма с более чем 30-летним стажем издательской деятельности я пользовался у директора и главного редактора издательства полным доверием в формировании тематического плана. Гвоздем плана на годы вперед стала серия «Экономическое наследие». Однако без поддержки людей, прекрасно понимавших необходимость сберечь экономическое наследие, стимулировать интерес к его изучению, людей, обладавших гражданской смелостью, чтобы своим авторитетом защитить идею публикации книг не марксистско-ленинского направления, а затем вместе с издателями готовить труды «забытых экономистов» к печати, этот проект тогда реализовать мне вряд ли удалось бы. В то ушедшее время определить «судосходность» идеи было трудно: слишком много барьеров согласования стояло на пути реабилитации русского мировоззрения, «очищенного» политикой и цензурой от инакомыслия.

Роль Леонида Ивановича Абалкина и Николая Андреевича Климова². Академик Л. И. Абалкин являлся главным редактором журнала «Вопросы экономики», председателем диссертационного совета ИЭ РАН по защите докторских диссертаций. Читал цикл лекций в Институте народного хозяйства имени Г. В. Плеханова. Он опубликовал около 800 печатных работ, в том числе 24 индивидуальных монографии. Будучи крупным специалистом в области методологии экономической науки, проблем экономической политики и хозяйственного механизма, свои главные научные интересы он сосредоточил на разработке путей преобразования российского общества, осмыслении культурно-исторического фона и перспектив экономических реформ. Широкий теоретический кругозор Л. И. Абалкина позволял ему быть координатором многих

научных исследований, видеть место и значение как целых научных направлений, так и отдельной экономической проблемы. Вот такой ученый и возглавил редакционные советы издательских серий «Экономическое наследие» и «Памятники экономической мысли». И это, пожалуй, самая интересная грань научной деятельности академика Л. И. Абалкина.

В 1987 г. Л. И. Абалкин перешел на работу директором Института экономики АН СССР. В это время в редакции литературы по политической экономии социализма издательства «Экономика», где я работал заведующим, издавалась его монография «Новый тип экономического мышления». В одну из встреч у нас состоялась содержательный разговор об экономической литературе, к которому Леонид Иванович привлек своего заместителя по науке Николая Андреевича Климова. Л. И. Абалкин и Н. А. Климов были людьми новых экономических воззрений. Экономисты, мыслители, потомственные интеллигенты, в облике своем они объединяли человеческие, познавательные, творческие стороны незаурядных личностей (всегда буду помнить их жизнерадостную реакцию на идею книги «Политическая экономия для школьников»). Они раньше других уловили духовное движение общества и, когда в людях созрела готовность воспринимать прошлое любу мудрости России, они стали надежной опорой и поддержкой благородному делу. Они хотели, чтобы несправедливо осужденные авторы вновь заговорили с обществом и новым читателем. И многое, очень многое делали для этого. Они знали, какие организационные рычаги задействовать, как поднять интерес к экономике в стране в целом и к изданию экономических работ в частности. Им по плечу пришлось роль ученых, реабилитирующих книги из спецхрана. Их определяющая роль в этом деле дала зримый импульс к оживлению исследований в области русской и мировой экономической мысли. В своем предсмертном письме

¹ Редакционная коллегия серии «Экономическое наследие» выглядела следующим образом: Абалкин Л. И., академик (председатель), Аганбегян А. Г., академик; Баранов А. А., д. э. н.; Волобуев П. В., член-корр. АН СССР; Гатовский Л. М., член-корр. АН СССР; Жамин В. А., д. э. н. (зам. председателя); Климов Н. А., д. э. н.; Куликов В. В., д. э. н.; Кузьминов Я. И., к. э. н. (ученый секретарь); Мау В. А., к. э. н. (ученый секретарь); Милейковский А. Г., академик; Мясоедов Б. А., к. э. н. (зам. председателя); Петраков Н. Я., член-корр. АН СССР.

² Абалкин Л. И. Россия: осмысление судьбы. М., 2012. С. 757–784; Служение. К 70-летию со дня рождения Н. А. Климова. С. 443–479.

Л. И. Абалкину Н. А. Климов подытоживал: «Логика развития любой науки сводится к постоянному, но периодическому выходу на более мощную систему как способ обобщения накопленного ранее и тем самым на преодоление исследовательских противоречий и тупиков. Для нас это значит преодоление так называемой марксистско-ленинской политэкономии и зарубежных экономий с ее чисто европейской индустриальной традицией». Леонид Иванович писал о своем заместителе: «Он до последнего дня жил заботой о судьбе страны, думал о науке и о возрождении величия России»³. И эти слова Леонида Ивановича о Н. А. Климове можно с полным правом отнести к нему самому и к его участию в каждой книге серии «Экономическое наследие». Под эгидой академика Л. И. Абалкина легче было привлекать и собирать пытливых, увлеченных наукой и идеей реабилитации экономистов исследователей, безошибочно формировать редколлегии изданий.

Работа над подготовкой серии шла энергично и открыто. Я дал интервью журналу⁴, в котором рассказал о плане изданий на 1988–1989 год и на последующий период, и написал статью на эту тему⁵. И в интервью, и в статье я размышлял о том, какие книги печатать, на концепции каких авторов ориентировать читателя? На излете СССР перестройка скрестила тенденции. Нам надо было определиться: в недавно созданной редакции по выпуску литературы по истории экономических учений и народного хозяйства, объединившей молодых образованных редакторов и привлекавшей таких же молодых перспективных авторов, продолжать по традиции «продвигать» тех, кто укладывался в прокрустово ложе марксизма-ленинизма, или обратиться к авторам «всех времен и народов», зарекомендовавшим себя в русской и мировой экономической мысли выдающимися научными трудами? В качестве главных достижений экономической науки снова публиковать только работы К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, что-то — из Г. В. Плеханова, Ф. Э. Дзержинского,

С. Г. Струмилина, В. В. Куйбышева, Г. К. Орджоникидзе, с осторожностью — Ю. Ларина, Л. Н. Крицмана, В. П. Ногина? Или все-таки начать с тех, кого 60 лет отвергала официальная советская экономическая и финансовая наука — с Н. Д. Кондратьева, А. В. Чаянова, Л. Н. Юровского, В. А. Базарова, Я. М. Букина, Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова, В. Г. Громана, С. А. Первушина, Г. Я. Сокольников, Е. А. Преображенского, И. И. Рубина, а из зарубежных — с Т. Мальтуса, Д. Кларка, Ж.—Б. Сэя, К. Родбертуса, Й. Шумпетера?

И тут получил неожиданный удар от публиковавшегося в нашем издательстве доктора наук, ветерана Великой Отечественной войны А. Залкинда. По сложившейся в стране традиции, письмо с самоназванием «О грубых политических ошибках в издательстве «Экономика» было направлено в ЦК КПСС товарищу Е. К. Лигачеву⁶. «Грубые политические ошибки» автор письма увидел в самой идее ввести в научный оборот имена и произведения «запрещенных» экономистов. Я показал копию письма Николаю Андреевичу. Он внимательно прочитал, посмотрел на меня с участием и сочувствием, усмехнулся в своей климовской манере и сказал: «Крепись, это естественная реакция уходящих с арены людей. Я покажу письмо Леониду Ивановичу». Из ЦК КПСС оргвыводов в отношении меня не последовало...

У Л. И. Абалкина заботы в то время были государственные, но внимание, которое он уделял этой проблеме как подлинный ученый и патриот, было огромно. С Леонидом Ивановичем и Николаем Андреевичем нам удалось создать прочную базу серии. Благодаря нашим содержательным беседам по подбору книг в серию в числе первых попали самые достойные авторы — Н. Д. Кондратьев, А. В. Чаянов, А. А. Богданов, Н. И. Бухарин, А. И. Рыков, то есть те, кто и поныне составляют цвет науки и народнохозяйственной практики. С неизменным интересом Л. И. Абалкин и Н. А. Климов относились к каждому выходившему изданию.

³ Служение. К 70-летию со дня рождения Н. А. Климова. М., 2002. С. 6, 7.

⁴ Экономические науки. 1987. № 9.

⁵ Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. М., 1989. С. 364–367.

⁶ Копия письма в архиве автора. Опубликовано мною в книгах: Абалкин Л. И. Россия: осмысление судьбы. С. 768–772; Служение. К 70-летию со дня рождения Н. А. Климова. С. 449–452.

Как реализовывался проект по изданию серии «Экономическое наследие». Перспективный план выпуска «Экономического наследия» включал свыше 100 названий. В тематике серии было выделено четыре направления:

- история дореволюционной экономической мысли России;
- история советской экономической мысли;
- история зарубежной экономической мысли;
- история народного хозяйства.

В рамках каждого направления предполагалось выпускать монографии и сборники (избранные экономические работы и целостные произведения), а также тематические сборники (дискуссии, подборки документов, материалы архивов).

Главное внимание редколлегии серии сосредоточила на формировании научно-справочного аппарата по каждому изданию, который включал в себя биографию автора, предисловие издателя, обширную библиографию, комментарии, приложения.

В то время специалистов ни по Н. Д. Кондратьеву, ни по А. В. Чаянову, ни по А. А. Богданову, ни по многим другим попавшим в план выпуска персонажам еще не было. Для комментирования произведений и написания биографических очерков Л. И. Абалкин для начала посоветовал обратиться к А. А. Конюсу, в свое время бывшему сотрудником кондратьевского Конъюнктурного института, а попутно искать способную и прогрессивно мыслящую молодежь с тем, чтобы привлечь ее к этой работе. Леонид Иванович счел необходимым ввести родственников авторов в редакционные коллегии соответствующих томов серии. В поисках фотографий и с целью уточнить биографические и иные сведения я встречался с сыном А. А. Богданова доктором биологических наук А. А. Малиновским, с женой Н. И. Бухарина А. М. Лариной, с дочерью А. И. Рыкова Н. А. Рыковой-Перли, с дочерью Н. Д. Кондратьева членом-корреспондентом АН СССР, профессором МГУ Е. Н. Кондратьевой, с сыном А. В. Чаянова кандидатом технических наук В. А. Чаяновым, созванивался с сыном М. П. Томского Ю. М. Томским. Также я постоянно консультировался со специалистами из ЦК КПСС, Главлита, ведущих экономических институтов, в реакции которых

чувствовал интерес к нашей работе. Здесь не могу не вспомнить добрым словом В. И. Седова, В. А. Белянова, В. А. Солодина, К. И. Микульского, В. В. Куликова, В. А. Жамина.

В работе все было вновь. Новыми были и трудности, с которыми мы сталкивались в начале реализации проекта. Угроза со стороны бдительных читателей и борцов за чистоту рядов официально признанных историков-экономистов по-прежнему нависала над издательством. В упомянутом выше обращении в ЦК КПСС А. Залкинд писал: *«Особо следует сказать о Чаянове, Юровском, Кондратьеве. Недавно прокуратура СССР сняла с них обвинение в том, что они являлись вредителями, шпионами и т. д. Но от этого их антимарксистские, антиленинские взгляды не изменились ведь»*. Таким образом, перед редакционными коллежиями книг встала задача вслед за официальной реабилитацией репрессированных авторов реабилитировать их сочинения.

Мы, издательские работники, ощущали особую потребность в моральной поддержке со стороны научного сообщества. Так, довольно много препятствий пришлось одолеть по выпуску книги А. А. Богданова «Тектология. Всеобщая организационная наука»: автор не попал в число реабилитированных, «судоходность» издания была далеко неочевидна. Поэтому при утверждении плана по поводу этого произведения возникли существенные разногласия. Активно отстаивали его издание Л. И. Абалкин и Н. А. Климов, Г. Х. Попов и А. Л. Тахтаджян, и только после того как эти четыре академика вошли в редакционную коллегию книги, она смогла увидеть свет.

Авторам текстов для аппарата книги и редакционным работникам предстояло аннотациями, сопроводительными текстами от издателя, научными комментариями, статьями в специализированных изданиях обеспечивать книжную реабилитацию и «Тектологии» А. А. Богданова, и «Проблем экономической динамики» Н. Д. Кондратьева, и «Крестьянского хозяйства» А. В. Чаянова. Как издатели, мы понимали, что комментирование призвано осовременить выражение темы, заключенной в названии, приблизить тексты к нынешнему пониманию, защитить произведение от нападок

лиц, противившихся принятию ранее отвергаемого. Поэтому с особым тщанием мы подходили к подбору специалистов, участвовавших в создании научного аппарата каждой книги.

В ходе подготовки первых изданий серии выяснилось, что оригинальные тексты рассредоточены по библиотекам, журналам, газетам, а для изучения и введения в научный оборот эпистолярного наследия экономистов необходимо обращение к государственным и личным архивам. Это создавало дополнительные трудности. Но совместными усилиями ученых и издателей, архивистов и полиграфистов при поддержке общественности эти и другие проблемы успешно преодолевались.

Тематическим сборником «Об едином хозяйственном плане» издательство «Экономика» в сотрудничестве с Отделением экономики АН СССР и Институтом экономики АН СССР открыло серию «Экономическое наследие».

В 1989 г. вышли: «Проблемы экономической динамики» Н. Д. Кондратьева, «Крестьянское хозяйство» А. В. Чаянова, «Тектология. Всеобщая организационная наука» А. А. Богданова (в 2 книгах), «Социальные основы кооперации» М. И. Туган-Барановского.

В 1990 г. выпущены: «Избранные произведения» Н. И. Бухарина и «Избранные произведения» А. И. Рыкова, была начата работа над сборником «Русская трудовая артель».

Подводя итоги. Появление первых ласточек из серии «Экономическое наследие» не осталось незамеченным. Наибольший резонанс в академическом сообществе получил выход книги Н. Д. Кондратьева «Проблемы экономической динамики». Отголосками этого события можно считать создание Л. И. Абалкиным Международного фонда Н. Д. Кондратьева, образование Международного института Питирима Сорокина — Николая Кондратьева и проводимые ими мероприятия.

«Книжное обозрение» поддержало серию «Экономическое наследие» статьями о произведениях А. А. Богданова, Н. Д. Кондратьева, А. В. Чаянова⁷. Книги по выходу заняли достойное место на полках библиотек, они были благожелательно встречены не только в СССР, но и за рубежом. Леонид Иванович Абалкин и Николай Андреевич Климов были в курсе переписки издательства «Экономика» с парижской газетой «Русская мысль» и всячески поощряли контакты с газетой, установившиеся по поводу публикации книги А. В. Чаянова⁸.

Выпуская книги серии «Экономическое наследие» мы стремились создать эталон научного издания. Строго была определена персональная ответственность за каждую операцию редакционно-издательского цикла. Работа над аппаратом книги — это по сути своей комментирование книги в целом и текста в отдельности (по меткому выражению Маргарет Тэтчер: «Красный цвет комментируют по-разному»⁹). Редакторы в свою очередь ориентировались на лучшие образцы отечественного и зарубежного книгоиздания, искали и находили такие детали, которые отличали бы тома «Экономического наследия» от бесконечного множества других книг. И сегодня, глядя на эту книжную серию, я с благодарностью вспоминаю тех, кто создавал их в издательстве или принимал участие в подготовке научного аппарата.

После моего ухода из издательства «Экономика» книги в серии «Экономическое наследие» выходили редко. Впрочем, для книги как таковой вообще наступают новые времена, ей приходится соперничать с разного рода электронными носителями информации, стремительно завладевающими симпатиями читателей. Однако книги, как и кино, как и театр ничто не сможет заменить, и они остаются судьбой тех, кто связал свою жизнь с их изданием.

⁷ Книжное обозрение. 1989. № 27; Книжное обозрение. 1989. № 11; Книжное обозрение. 1988. № 4.

⁸ Сотрудник газеты «Русская мысль» С. В. Дедюлин присылал в издательство «Экономика» материалы из своей газеты, что тогда было ново для нашей жизни. «Статья в «Книжном обозрении» об А. В. Чаянове показалась мне одним из самых интересных материалов в этой газете за последнее время. Кроме того, она написана удивительно живо, «лично и по-человечески», как мне представляется. Примите, пожалуйста, в связи с этим благодарность от Вашего читателя», — писал в одном из сопроводительных писем С. В. Дедюлин (это письмо также находится в архиве автора). Контакты, завязавшиеся по поводу нашей книжки, развивались и далее, так что через три года «Книжное обозрение» задалось вопросом: «Откроют ли Россию для «Русской мысли?» (Книжное обозрение. 1991. № 89).

⁹ TV Россия I. 12. IV. 2013 20:35.